

Виолетта Потякина

Россия бунташного века

Скандалы, интриги, расследования

Виолетта Михайловна Потякина
Россия бунташного
века: скандалы,
интриги, расследования
Серия «История и наука Рунета»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68662622
ISBN 978-5-17-149700-2

Аннотация

«Россия бунташного века: скандалы, интриги, расследования» – это погружение в удивительные события истории России XVII века. Прервавшаяся династия Юриковичей, самозванцы на троне, церковные реформы, бунты и смуты – вот знаковые события, определившие название этой эпохи. Однако бунташный век стал не только временем трагических событий в российской истории, он подарил нашей литературе первые стихи, способствовал появлению первой новостной газеты, подготовил почву для революционных нововведений Петра I и многое другое. Именно в это время происходит смена прежнего, средневекового мировоззрения русского человека. Из этой книги вы также узнаете: преследовали ли на Руси ведьм; как бы выглядел актуальный чек-лист для

иностранного посла в России; чем шокировали русские люди заморских путешественников. Эта книга – ваш своеобразный фонарик в смутном времени российской истории!

Книга содержит нецензурную брань

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие автора	6
Игра престолов, или «Все пошло как-то странно и мудрено в стране...»	9
Часть I	17
Глава 1. Выборный государь	18
Глава 2. Великий голод	23
Глава 3. А при чем тут Уайнапутина?	26
Глава 4. А на второе – кровавые мальчики	28
Глава 5. Грустная кончина	36
Глава 6. Красивая (?) семья	40
Глава 7. Античность в русском XVII веке	47
Глава 8. О! До чего горька была участь женщины-узбечки до Октябрьской революции![5]	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виолетта Потякина
Россия бунташного века
Скандалы, интриги,
расследования

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

Рецензенты:

к. и.н. И. А. Кирпичников

к. ф.н. О. А. Кузнецова

© Потякина В. М., текст, 2023

© Издательство АСТ, 2023

* * *

Предисловие автора

Эта книга – попытка рассказать историю XVII в., рассмотренную сквозь призму человеческих жизней.

XVII в. оказался веком-барьером: зачастую люди, не изучающие историю профессионально, воспринимают XVII в. как «перевалочный пункт» между эпохой Грозного и реформами Петра I, а культуру этого времени даже называют культурой «переходного периода», но это не совсем точное определение, с которым сейчас уже спорят многие ученые.

XVII в. – один из «осевых» периодов русской истории, когда на смену прежнему, средневековому мировоззрению постепенно пришло мировоззрение Нового времени.

Книга выросла из курса лекций, прочитанных для учащихся Школы юного филолога, и моего непрестанного интереса к этому периоду. Формат лекций (устное выступление и обсуждение идей в компании с заинтересованными пытливыми умами) определил некоторую кокетливость формулировок и легковесность языка, которые могут смутить читателя. Надеюсь, что занимательность сюжета скрасит эти недостатки формы.

На занятиях мы с ребятами из ШЮФ пытались ответить на сложные вопросы: например, как в XVII в. люди постепенно отходили от поведенческой нормы Средневековья и почему это стало возможным именно в это время?

Если говорить кратко (хотя ответу на этот вопрос и посвящен этот скромный труд): произошли события, которые заставили человека постоянно делать самостоятельный выбор, не обусловленный традицией, обычаем или законом, потому что бывали времена, когда законов было несколько, как и правителей. Непонятно, чему и кому подчиняться. Столетие открывается кризисом Смутного времени, длившимся 15 лет и оказавшим колоссальное влияние на все сферы жизни. Прекратилась династия, на престоле оказался выборный царь, а это уже противоречило традиции и породило уйму слухов, догадок, предположений; регулярно появлялись самозванцы – как разобраться, не ложный ли царь? Казалось, что богохранимое царство, последний оплот православия, вот-вот падет – что делать простому человеку? На протяжении всего XVII в. общество пыталось найти опору для действий в традиции, но при этом поведенческие модели множились, а устои рушились.

«Благоразумный читателю! Чтучи сего писания, не удивляйся», – писал когда-то в Швеции русский подьячий Григорий Котошихин. А я призываю: о, читатель, чтучи сие писание, удивляйся. Надеюсь, оно даст поводы.

А для тех, кто захочет поделиться возмущением, удивлением или догадками, оставляю свою почту: potiakina.violetta@gmail.com. Буду рада прочесть любые ваши замечания.

В процессе написания книги мне помогали замечатель-

ные люди: Анна Петрова, Андрей Иванов, Анастасия Бондарчук, Юлия Веселова, Владислав Крылов, Дмитрий Быков, Дарья Каравашкина, Анастасия Слонова, Елена Сухарева – они терпеливо комментировали мои заметки и черновые варианты. Мой научный редактор Иван Кирпичников подметил неточности и поделился ценными замечаниями, которые значительно улучшили текст. Алексей Аркадьевич Пауткин, Ольга Кузнецова, Анна Валерьевна Архангельская преподали мне уроки вдумчивого чтения текстов и удивления привычному и подарили радость живого обсуждения древнерусской культуры – и за это им моя беспредельная благодарность.

Игра престолов, или «Все пошло как-то странно и мудрено в стране...»

В XVII в. Россия входит в очень нетривиальном для нее положении: прервалась династия Рюриковичей, правящая страной со времен призвания варягов практически шесть столетий – невероятное долгожительство правящей династии для Европы. После крайне противоречивой политики Ивана Грозного страна в истощении: карательные походы на Новгород, опричнина, пытки и казни, долгая Ливонская война. У неспециалистов по истории правление Ивана Васильевича ассоциируется в основном со средневековым ужасом.

Ситуация с наследниками тоже непростая: из оставшихся в живых после смерти отца есть царевич Федор Иоаннович, которого современники характеризуют как человека менее одаренного, чем его отец, а сам Грозный пишет о нем как о постнике и молчальнике. Жив (но ненадолго) царевич Дмитрий, которого позже убьют в Угличе. Его в расчет можно было не брать, он сын от брака, не признанного церковью: Мария Нагая, мать Дмитрия, была седьмой женой Грозного, а церковь просто не могла «засчитать» какие-то браки, кроме первых трех. Церковные правила того времени предписывали: «Кто поймет четвертую или пятую жену, с таковыми не

ясти, ни пити, таковый поганъ есть»¹. Но писан ли закон царю?

---

¹ Кто женится в четвертый или пятый раз, с тем не есть и не пить, ибо он язычник. – *Здесь и далее прим. авт.*

Федор Иоаннович, конечно, не мог поразить людей больше, чем его отец; он был тих, спокоен, боголюбив. Как писал Джайлс Флетчер, английский дипломат, прибывший в Россию в 1588 г. по делам английской торговой компании: *«Теперешний царь относительно своей наружности: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».*

Мы с вами будем регулярно обращаться к очевидцам-иностранцам; они часто очень пристрастны и вольно толкуют факты, но обвинить их в излишнем трепете перед монархом невозможно (а этим грешили русские авторы того времени, склоняясь перед традицией описания правящей особы). Также иностранцы обращали внимание на те стороны русской жизни, которые русские книжники подробно не освещали в своих текстах.

Русские писатели Смутного времени идеализировали Фе-

дора Иоанновича как последнего «законного» самодержца, поэтому ему приписывался и дар пророчествования, и удивительное благочестие. Однако нужно уточнить, что постник и молитвенник любил и кулачные бои, и потехи с медведями, когда охотник, вооруженный рогатиной, отбивался от зверя, находясь в круге, обнесенном стеной.

Иван Грозный женит Федора на Ирине Годуновой, племяннице постельничего, Дмитрия Годунова (постельничий – это человек, который следил за порядком в спальне, за сохранностью царских икон, посуды, одежды царя, а также защищал постель правителя от колдовства). Постельничий был важной персоной и имел в распоряжении целый штат людей, следящих за удобством в царских покоях и его гардеробе. Как пишет Котошихин, *«ведает его царскую постелью и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает; также у того постельничего для скорых и тайных его царских дел печать (!). А честию тот постельничий противу околичего»*.

Федор Иоаннович, портрет из Царского титулярника, ли-

цевая рукопись. 1673 г.

У Ирины Годуновой есть родной брат Борис, который на долгое время станет одним из главных героев нашей истории. Расклад получается изящным: не особенно интересующийся делами государства царь, *«о мирских ни о чем попечения не имея, токмо о душевном спасении»*, и брат жены, амбициозный, заинтересованный, выдвинувшийся еще при Грозном, зять Малюты Скуратова.

Борис Годунов – фигура неоднозначная и в некотором смысле одиозная: мы все помним о темной истории, связанной с убийством Дмитрия, голоде и народных волнениях, случившихся в царствование «небогоугодного» государя. Что и говорить, Годунов оказался нелюбимым персонажем российской истории, хотя можно привести множество примеров, когда проводимая им политика была разумной – а (при иначе сложившихся обстоятельствах) могла быть признана своевременной и успешной. Возможно, именно из-за этой «дурной» репутации в биографии правителя все еще множество лакун.

До последнего момента было неизвестно даже, когда родился Годунов. До исследования филологов Успенского и Литвиной историки называли примерный год рождения выборного царя – незадолго до Казанского похода 1552 г. На помощь пришли иностранцы: в книге «Путешествие в Персию через Московию: 1602–1603 годы» дипломата Священ-

ной Римской империи Георга Текандера есть точное указание на дату рождения Бориса Годунова – 2 августа по старому стилю, т. е. 12 августа по новому.

Впрочем, по поводу даты рождения все еще не утихают споры: историк Искра Шварц указывает, что в ее статье, посвященной изданиям текста Текандера, эта дата – 2 августа – появлялась, однако непонятно – по старому это стилю или по новому?

Что уж говорить о дне рождения, если даже с именем были проблемы: благодаря неправильному прочтению Карамзиным «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» Годунов приобрел имя Яков. Так, в предложении «И попусти на него такова же врага и законопреступника <...> от малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков и сам той святоубийца Борис Годунов» есть конструкция «таков – яков» (наша «такой – какой»), а вот Карамзин принял местоимение «яков» за имя. Мол, отца Гришки Отрепьева звали Яков, Яковом же был и Годунов – тезки, стало быть. Причем молодой на тот момент (1888) исследователь древнерусской литературы Сергей Платонов отнесся к этой версии с изрядной долей скепсиса, но сработал эффект ореола – Карамзин к этому моменту был уже признанным патриархом российской историографии. Так и пошло: Борис Годунов, также известный как Яков Годунов.

Часть I

Неслучившаяся династия

В этой части вы узнаете, почему Борис Годунов был не так плох, как может показаться, каким образом перуанский вулкан связан с Россией и как в Московском государстве могла появиться новая династия.

Глава 1. Выборный государь

О Годунове нужно сказать следующее: женой его была Мария Скуратова-Бельская, дочь Малюты Скуратова, фаворита Грозного. Партия, говоря языком классической литературы, составила блестящая: племянник (впрочем, воспитывавшийся в семье Дмитрия Годунова как сын) одного приближенного женится на дочери другого фаворита.

Борис Годунов начинает свою карьеру еще при Грозном: сначала как опричник, потом как кравчий (еще одна чудесная должность – следить за работой стольников, которые подавали еду и напитки на пирах). Замужество сестры оказывается удачным для Годунова: Иван Грозный жалует его званием боярина.

Во время царствования Федора Иоанновича Годунов становится важной политической фигурой, но пока что не главной (он был ближним великим боярином и наместником Казанского и Астраханского царств). Страной фактически правит совет из четырех человек: Богдана Бельского (выбившегося в элиту при Иване Грозном), Никиты Романовича Юрьева (родоначальник будущих Романовых), Ивана Мстиславского и Ивана Шуйского. Это представители самых знатных и могучих боярских родов, и понятно, что каждый хочет править.

Разгорается борьба за власть: Бельский обвинен в измене

и сослан, Мстиславский пострижен в монахи (отличная стратегия избавления от политических врагов, ее тоже можно запомнить: человек, постриженный в монахи, не мог больше участвовать в политической деятельности и всегда был «под присмотром»), Шуйский подвергся опале, а Никита Юрьев просто отошел от дел и умер.

Так, с 1585 г. Россией начинает управлять де-факто Годунов. Я не ставлю своей задачей доскональное описание проводимой Годуновым политики, поэтому отмечу несколько самых важных для нас моментов:

1. В 1589 г. благодаря Годунову был избран первый русский патриарх Иов – это значило, что в Москве сами церковные деятели решали, кто будет патриархом, и не ждали решения Собора, а русский патриарх признавался равным чином с другими патриархами православной церкви. Во время выборов в государи Иов скажет решающее слово в пользу кандидатуры Годунова. О, как удачно люди выбирают себе союзников!

2. В 1591 г. Годунов инициировал расследование обстоятельств смерти царевича Дмитрия.

3. Годунов начал сближение с Западом (не политикой Петра Великого единой!). В Москву приехали врачи, купцы, ученые и военные, а из России отправились первые студенты. Подробнее мы поговорим о первых эмигрантах по «студенческой визе» в следующих главах.

И вот в 1598 г. умирает царь Федор Иоаннович, и муж-

ская линия династии пресекается. Естественно, иностранцы оставили свое мнение на этот счет. Голландский купец и дипломат Исаак Масса тонко намекает, что к смерти причастен Борис Годунов: *«Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе его жены, желавшей скорее стать царицею, и многие москвиты разделяли мое мнение»*. Учтем, что Ирина – сестра Бориса и жена царя – довольно быстро постриглась в монахини после смерти мужа, так что Масса ошибся. Также он отмечает еще один слух того времени: дескать, Федор Иоаннович при смерти вручил скипетр и корону Федору Никитичу Романову. Так что было с кем соревноваться Годунову в гонке за трон.

Другой иностранец, Конрад Буссов, писал, что жена Федора Иоанновича, когда тот умирал, попросила его передать скипетр своему брату, а он вместо этого протянул скипетр ближайшему из стоявших рядом сановников, но тот отказался и передал его следующему, а тот – еще одному, и так далее. Никто не стал брать прежде другого скипетр, хотя все очень хотели. Умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, и он сказал: *«Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невозможно больше держать его»*. Тут Годунов быстренько подсуетился, протянул руку и через голову всех персон, заставлявших упрашивать себя так долго, схватил атрибут царской власти. Так, по мнению Буссова, на Руси появился царь не по крови.

Понятно, что это явная выдумка о «варварах-москови-

тах», но сам факт подобных придуманных историй и зафиксированных слухов свидетельствует о том, что порядок избрания на царство в этом случае был неизвестен сторонним наблюдателям.

Не менее язвительно о процессе избрания Годунова рассказывает Иван Тимофеев.

То Борис пытается сделать вид, что он удавится, если его не перестанут просить начать царствовать, то подсылает под окна монастыря кричащего мальчика: «...словно глашатая, посадили обманом его против келий царицы на крепостной стене, поставленной для защиты монастырских строений и для оной монахини смирения, и, подняв его высоко, до самых окон государыни, повелели тому отроку кричать, как будто бы по воле всего народа, почти в уши государыни. Этот крик отрока соответствовал мольбам просителей и покрывал собою все голоса из толпы; затворившейся в темных покоях он кричал по их воле одно и то же: чтобы повелела она брату своему быть царем, главою над всем народом; и все время кричал он одно и то же, не переставая. И чем дольше он кричал, тем больше разоблачал самого желающего, ибо многим уже было стыдно слушать такой нелепый и непрекращающийся вопль. И если столь непристойный вблизи неприступных келий неумолкаемый вопль не был бы приятен желающему и совершался не по его воле, то юноша не посмел бы и приблизиться к тому месту и видящие не терпели бы этого так долго, потому что и средние люди не терпят и не до-

пускают такого, тем более когда видят, что совершается это без их повеления».

И все же невозможно отрицать, что юридически именно Земский собор избрал на царство Бориса Годунова в 1598 г. Случай удивительный, потому что Годунов не принадлежал династии, богом установленной на русской земле. Парадоксально, что авторы «Соборного определения об избрании на царство», прекрасно зная традицию передачи власти «природным» царям, внезапно пишут: *«...не на благородство зрит Бог любящих его, но благоверия предъизбирает сохранением Божественных заповедей».* То есть Бог смотрит не на принадлежность к царской династии, а на то, насколько человек будет исполнять божественные заповеди в данной ему во власть стране.

На что смотрит Бог, мы не знаем, а вот народ явно смотрел на принадлежность царскому роду.

С этого все и началось.

Глава 2. Великий голод

В 1601 г. начинается голод. Лето было таким холодным, каким оно не бывало на памяти старожилов никогда: морозы ударяли летом, а снег ложился в сентябре. Урожая не было, как и в следующем году. Цены на хлеб взлетели, начались разбои и грабежи, появились целые банды из беглых крестьян и холопов. Банды сжигали поместья и монастыри (sic!) (они владели крупнейшими запасами зерна), грабили проезжавших по крупным торговым маршрутам людей. Годунов, надо отдать ему должное, пытался как-то помочь: раздавал народу деньги из казны, открыл собственные амбары с хлебом, даже затеял строительство яруса колокольни Ивана Великого, чтобы обеспечить рабочими местами безработное население. В Москву ринулись люди со всей страны – кто работать, кто в надежде получить деньги от царя, а кто просто в поисках средств для пропитания.

Шествие высшего духовенства, царя Михаила Федоровича, бояр, дворян и горожан по территории Московского Кремля в Успенский собор 3 мая 1613 года. *1672–1673 гг.*

В летописях того времени мы не найдем натуралистических подробностей этого голода; книжники очень тактично описывают постигшее людей бедствие и картины их падения,

умалчивая о неприятных деталях. А иностранцы не скупилась на грубый натурализм с преобладающей эстетикой безобразного. Например, Маржерет: *«в сии три года случались злодейства, почти невероятныя... Я сам видел ужасное дело: четыре женщины... быв оставлены мужьями, решились на следующий поступок: одна пошла на рынок и, сторговавши воз дров, зазвала крестьянина на свой двор, обещая отдать ему деньги, но, лишь только он сложил дрова и явился в избу для получения платы, женщины удавили его и спрятали тело в погреб, чтобы не повредилось: сперва хотели съесть лошадь убитого, а потом приняться за труп. Когда же преступление обнаружилось, они признались, что умерщвленный крестьянин был уже третьею жертвою».*

Глава 3. А при чем тут Уайнапутина?

С удалением на временной оси становится возможным более комплексный взгляд на события XVII в., причем в пространстве не только русской истории, но и всего мирового сообщества. Некоторые ученые предполагают, что Смута в России стала началом в череде потрясений европейских государств (глобальные войны и экологические проблемы). И если первое связывают с усилением государств и расширением их экспансии, то второе – с глобальным похолоданием, которое также называют «малым ледниковым периодом» (например, в Италии выпадало аномальное количества снега, в Германии птицы замерзли в воздухе, Босфор замерз, а в России случился тот самый голод 1601–1603 гг.).

Так что же произошло?

В 1600 г. извергается перуанский вулкан Уайнапутина. Казалось бы, где Россия и где Анды, но американские геологи полагают, что сера, поднявшаяся после взрыва вулкана в высокие слои атмосферы, стала фактором, препятствующим солнечному излучению по всей Земле. Концепция, связывающая события европейских стран с экологическими условиями, остается дискуссионной, однако представление о том, что перуанский вулкан мог каким-то образом повлиять на события в России, вполне в духе современного переосмысления истории (привет, эффект бабочки!). Но в 1603 г.

причина бедствий казалась народу очевидной: царь незаконный, богу неугодный. Нравственная норма в жестких условиях становилась все более расшатанной, а ситуация – взрывоопасной. И тут, кажется, собирают нормальный урожай, и все идет на лад, но появляется внезапно живой царевич Дмитрий.

Глава 4. А на второе – кровавые мальчики

После смерти Ивана Грозного его сын Дмитрий, маленький мальчик, был сослан с матерью на княжение в Углич. Дальше начинается темная история: царевич живет там до 15 мая 1591 г., спокойно растет, а потом вдруг в приступе эпилепсии падает на ножичек, с которым он играл в «тычку» в присутствии взрослых людей. Этот вариант гибели царевича казался нереалистичным уже современникам: так, во множестве литературных текстов XVII в. прямо говорится о вине Годунова, а смерть Дмитрия считают политическим убийством. Впрочем, по прошествии нескольких веков ясности в этом деле не прибавилось.

Мать Дмитрия, Мария Нагая, и ее брат сразу же решили, что ребенок был зарезан по приказу Москвы. Толпа, всполошенная известием об убийстве, растерзала родственников надзирающего за опальной царской семьей дьяка Михаила Битяговского, который, как предполагалось, спланировал убийство.

ЦРВНЧЬ

Димитрій
Юдннокіть

В. Н. Нечаев. Царевич Димитрий Иоаннович, копия из Титулярника XVII в. 1887 г.

Всего было убито 15 человек, и это, говоря языком юридическим, стало основанием для возбуждения «обыскного дела»²:

1. Из Москвы Годуновым была направлена комиссия в составе главы следствия, князя Василия Шуйского, окольниково Андрея Клешнина, дьяка Елизария Вылузгина и митрополита Геласия. Опрошенные ими свидетели (за исключением Михаила Нагого, не бывшего очевидцем смерти) говорили о том, что царевич «набрушился сам ножом в падучей болезни». Но толпа нашла «виновных» и наказала по-своему.

2. При этом в деле не было описания места трагедии, орудия убийства (то есть ножичка); нет описания раны и ее локализации. А еще не было допроса матери царевича – она обладала «иммунитетом», поэтому ее никто не мог допрашивать.

3. Следствие проверяло только версию несчастного случая. Тут предлагаю вспомнить о склонности людей к подтверждению своей точки зрения (мы выбираем ту информацию, которая согласуется с нашим мнением, игнорируя альтернативы). Ни на что не намекаю, просто имейте в виду.

4. На заседании Собора и Боярской думы патриархом

---

² Ознакомиться с делом можно и сейчас – оно сохранилось, и его издают с научным комментарием.

Иовом было объявлено, что смерть ребенка произошла в результате несчастного случая, из-за недосмотра за ним его родственников Нагих. Иов назвал их действия изменой: мол, по их научению убили невиновных людей без суда и следствия. Засим дело церковь закрыла и передала его в ведение государства.

5. Марию Нагую сослали в монастырь на Выксу, а братьев Нагих разослали по разным городам; виновных в беспорядке горожан сослали в сибирский Пелым – там они образовали целое поселение.

6. Все получили по заслугам – даже колокол, который призвал людей на место убийства. Его сбросили с колокольни, высекли плетьюми, «обезьязычили» и сослали в Тобольск. Но не переживайте, «первоссыльный неодушевленный с Углича» вернулся домой спустя триста лет.

Историки разделились на два лагеря: одни говорят, что Дмитрий был убит. Такая версия появилась сразу после смерти царевича и была зафиксирована в «Повести, како отомсти... Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови...». Повесть появилась при Шуйском, а версия причастности Годунова к убийству закрепилась при Романовых (уже из названия повести ясно, кому приписывали вину). Масла в огонь подлил Шуйский: став царем, он как минимум трижды менял свои показания – то царевич был убит, то не был убит... И это человек, который руководил следственной комиссией!

Другие историки указывают на бессмысленность этого убийства для Годунова: царевич не мог рассматриваться им как возможный политический противник ввиду незаконности брака его родителей, следовательно, это был несчастный случай.

Да и зачем тогда Годунову посылать расследовать это дело своего противника Шуйского? По-видимому, Годунов пытался защитить свою репутацию, полагая, что Шуйский будет беспристрастен, поскольку всем была очевидна расстановка сил.

Тут есть несколько моментов, на которые обращают внимание современные исследователи:

- Можно ли утверждать, что у царевича действительно была эпилепсия?
- Если да, то действительно ли у него был припадок? Ведь по такой логике он должен был выронить ножик, а не напороться на него. А заметить признаки приближающегося припадка должны были присутствующие там кормилица и постельница.

Мы мало что знаем об этом ребенке, кроме того, что он трагически умер и затем был объявлен страстотерпцем (то есть претерпевшим страдания во имя Христа и умершим) в 1606 г.

Однако...

Давайте обратимся к неофициальной точке зрения. Понятно, что в официальной историографии не будет записей о

порочащих юного царевича качествах (особенно если учесть его канонизацию), зато их в избытке у иностранных авторов, которые изображают Дмитрия не менее одиозной фигурой, чем Борис Годунов. Вот, например, уже знакомый нам Флетчер писал, что мальчик проявляет все качества своего отца, Грозного: *«Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течет из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут».*

Буссов вспомнил еще более подробную историю: *«Так, он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: “Вот это пусть будет князь такой-то, это – боярин такой-то”, и так далее, “с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак” – и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой – руку, у третьей – ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле».*

Буссов обвиняет Годунова в смерти царевича и дает еще одну версию убийства: дескать, подослал двух убийц, те расправились с ребенком, а потом умерли сами, от руки других

убийц, подосланных тем же Годуновым, – перестраховаться не бывает лишним.

Вот Исаак Масса приводит примерно такие же слухи: «... прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Димитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо Димитрию было десять лет, и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: “Плохой какой царь, мой брат. Он не способен управлять таким царством”, и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: “Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно”. Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они вовремя не осуществят своего намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других. Поэтому они и решились на измену».

Не могу удержаться и не процитировать очаровательные подробности, которыми Масса снабдил свою версию убийства Дмитрия. Канва примерно та же: Битяговского подкупают, он соглашается на убийство, поручает это дело своему сыну и его другу, а те (внимание!) сначала идут к Борису, который обещает им важные должности, а затем к священнику, который заранее прощает им все грехи и благословляет.

Трудно сказать, соответствовали ли эти описания дей-

ствительности, однако такие версии не лишены логики: боярам действительно стоило опасаться взросления царевича, по сути сосланного в Углич и не имевшего особых привилегий, и его возможных политических амбиций.

Есть забавная история, которую приводит Джером Горсей: якобы однажды ночью к нему в Ярославль (он жил на Английском дворе – «двор немецкой англениских немец») приехал Афанасий Нагой, дядя Марии Нагой. Он сказал, стоя за воротами, что царевич Дмитрий мертв, сын дьяка перерезал ему горло по приказу Годунова (!), царевну (мать Дмитрия) отравили и она при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Горсей на всякий случай не стал открывать ворота – береженого бог бережет, мало ли, что там с этой царицей, забежал в дом, схватил банку с прованским маслом и коробочку венецианского териака, всучил это Нагому через забор и пожелал скорейшего выздоровления. В общем, Горсей продемонстрировал явно антигодуновские настроения и осторожность англичанина, знакомого с быстро распространяющимися инфекционными заболеваниями.

Итого: неясность этой истории вкупе с желанием людей сменить «неправильного» царя на другого, законного, «правильного», объясняет отчасти, почему народ так быстро поверил в появившегося в 1604 г. Лжедмитрия.

Да здравствует русское чудо!

Глава 5. Грустная кончина

До Годунова ежедневно доходили слухи о предательствах и изменах бояр и князей, переходивших на сторону самозванца, приближающегося к Москве. Информационный фон был заполнен слухами (часто совсем не имеющими отношения к действительности): говорили, что никакой надежды на победу над врагом нет ввиду его превосходящей силами армии; говорили, что дела его плохи и доверять никому нельзя.

Несмотря на то что элита во время Смуты изменяла государям редко, случаи измены все-таки были. Любимец сначала Грозного, а затем Годунова Бельский, бывший при нем окольничим, в Смуту переметнулся на сторону Лжедмитрия.

И отражение этой неразберихи, творящейся в государстве, мы находим и в письменных источниках – как русских, так и иностранных.

Так, например, Горсей утверждает, что вся семья Годунова боялась Бельского (который, кажется, был связан со смертью Грозного), и, когда они узнали, что тот идет с самозванцем на Москву, решили отравиться:

«Царь Борис Федорович, его жена царица, сын и дочь выпили яд, легли головами вместе, трое из них умерли сразу, а сын еще мучился, и некоторые видные люди из их семьи провозгласили его царем всея Руси Иваном Борисовичем, чтобы усмирить и успокоить недовольных, но он вскоре расстался

с жизнью».

Впрочем, Горсей немножко передвинул хронологию, потому что Бельский начал действовать заодно с Дмитрием после смерти Годунова, – но сама версия симптоматична, поскольку отражает атмосферу вокруг царя в последние его дни – доносы, слухи, предательство прежде служивших ему верой и правдой людей.

Новости об отравлении Годунова и всей его семьи, записанные Горсеем, – это слухи, которые распространял клевет самозванца В. В. Голицын. А меж тем были и осведомленные иностранцы (некоторые даже очевидцы) вроде Исаака Масы.

Они писали о том, что Годунов умер своей смертью, а его семья (за исключением Ксении) была казнена самозванцем. Это соответствует современной точке зрения, принятой в науке: Годунов умер естественной смертью. В «Новом летописце» рассказывается о его скоропостижной кончине: *«После Святой недели в канун [праздника] Жен Мироносиц царь Борис встал из-за стола, после кушанья, и внезапно пришла на него болезнь лютая, и едва успели постричь его [в монахи]. Через два часа от той же болезни [царь] и скончался».*

Смерть Годунова стала неожиданностью: царь, конечно, болел уже довольно долгое время, подволакивал ногу, иногда его разбивал паралич, но никто не ожидал, что он скончается так внезапно. Эта внезапность и дала повод для слухов: Буссов, например, тоже писал, что Годунов, не выдержав

множившихся предательств, отравился, и это кара божья за его преступления.

Идея с самоубийством была радостно воспринята Лжедмитрием: он объявил Годунова самоубийцей, а следовательно, страшным грешником. Лжедмитрий повелел вынести останки Годунова из Архангельского собора (там хоронили всех монархов и их родственников) и перезахоронить как самоубийцу «за стеной» Варсонофьевского монастыря. Жена и сын Годунова, убитые людьми Отрепьева, также были объявлены самоубийцами, несмотря на то что на их телах, выставленных на обозрение, были видны следы насильственной смерти. Петрей пишет о том, как Лжедмитрий подкупил подьячего Ивана Богданова, чтобы тот задушил мать и сына и распространил в народе слух, что они отравились. Иностранец отмечает, однако: *«...но на самом деле они были насильственно умерщвлены, и следы от веревки, которой они были задушены, я видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей»*.

Их тоже похоронили на кладбище Варсонофьевского монастыря. Это очевидный символический жест, призванный дискредитировать политического врага: захоронение за оградой было позором – обычно там находили последний покой безродные люди, умершие не своей смертью, или нищие, которых некому было хоронить; их нельзя было отпевать и о них нельзя было молиться.

Позже Годуновых перезахоронили во дворе Троице-Сер-

гиевой лавры во время правления Василия Шуйского, который стремился восстановить представление о выборной власти и дискредитировать Лжедмитрия (он еще и Дмитрия Угличского предложил канонизировать!). Эта процедура тоже носила явный идеологический характер: признавая Годунова жертвой самозванца и подчеркивая легитимность его правления, Шуйский, с одной стороны, намекал на преемственность своей власти (поскольку он тоже выборный), а также на необходимость хранить верность присяге, данной избранному государю.

Глава 6. Красивая (?) семья

Мы представляем, как выглядели некоторые представители династии Рюриковичей благодаря парсунам, портретам, изображениям в Титулярнике (понятно, что многие из них даны с изрядной долей условности), скульптурам и даже реконструкциям по методу Герасимова – историка, предложившего способ восстановления облика человека по его черепу.

Парсуна с изображением Бориса Годунова. XVII–XVIII вв.

О Годунове же мы не знаем почти ничего из-за сложной ситуации с его могилой: 26 октября 1945 г. Герасимовым были вскрыты гробницы Годуновых, однако к этому моменту захоронения уже были потревожены грабителями. При эксгумации в могиле не было обнаружено черепов³, поэтому провести реконструкцию оказалось невозможно. В гробнице Ксении нашли фрагменты коричневой и черной шерстяной ткани и маленькую туфельку с острым носком без задника очень маленького размера. В гробнице ее отца остались фрагменты шелковой ткани с узором из круглых цветов и гирлянд листьев; в гробнице матери – остатки чепчика из кружева.

Поэтому обращаемся к очевидцам. Тут сведения разнятся. Знакомьтесь, это Борис Годунов версии автора «Летописной книги» (она приписывалась то Шаховскому, то Катыреву-Ростовскому). Оба предполагаемых автора – люди необыкновенной судьбы и заслуживают отдельного обсуждения, чем мы и займемся чуть позже:

«Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея;

---

³ Настало время городских легенд: «При вскрытии археологами могилы в 1945 г. обнаружилось, что за несколько лет до того она стала достоянием хулиганов и беспризорников. Более того, от одного жителя Загорска стало известно, что, будучи подростками, они со сверстниками играли черепом Бориса Годунова в футбол». Источник: Мосoblпресс. Лариса Спирина, сотрудница Троице-Сергиевой лавры.

муж зело чуден, в разсужении ума доволен и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяше. Едино же имея неисправление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несъитное желание; и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие восприят»⁴.

Вот так кратко и по делу: человек, в общем, неплохой, оставил по себе добрую память, да только любил врачей, власть и убивать предшествующих правителей.

Горсей тоже оставил описание Годунова: *«Он приятной наружности, красив, приветлив, склонен и доступен для советов, но опасен для тех, кто их дает, наделен большими способностями, от роду ему 45 лет, склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы и хорошо владеет своим голосом, лукав, очень вспыльчив, мстителен, не слишком склонен к роскоши, умерен в пище, но искушен в церемониях, устраивает пышные приемы иноземцам, посылает богатые подарки иностранным государям».*

А вот Исаак Масса не забывает и о жене Бориса:

---

⁴ Для любителей Серебряного века: у Максимилиана Волошина в цикле «Пути России» есть стихотворение «Написание о царях московских». В нем он по сути перекладывает на стихи главу из Летописной книги, которую я и цитирую. У Волошина много произведений, посвященных рецепции древнерусской литературы: так, у него есть поэтическое переложение Жития протопопа Аввакума, Жития инока Епифания, поэма о граде Китеже, «О Дмитрииусе – императоре» и т. д.

«Могут подумать, каким образом Борис, не умевший ни читать, ни писать, был столь ловок, хитер, пронзлив и умен. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды, сверх того, во всех предприятиях ему помогала жена, и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такою жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены, которая, как было сказано выше, обладала сердцем Семирамиды».

Впрочем, кроме того, что жена Годунова, Мария Григорьевна, была властолюбива, мы ничего о ней не узнаем. Кажется, можно объяснить, почему ей приписывались все грехи мира – по наследству. Мария Григорьевна была дочерью Малюты Скуратова – того самого всесильного шефа опричников, на руках которого кровь многих невинных людей.

Зато есть портреты детей, сына:

«Царевич Федор, сын царя Бориса, отрок дивный, цвел благолепием, как цветок прекрасный в поле, Богом украшенный, как лилия, цветущая в долине; глаза у него были большие, черные, лицо же – белое, молочной белизной блистало; роста был среднего, телом дороден. Отцом своим был воспитан в любви к книгам, в ответах находчив и сладкоречив; пустое и непристойное слово никогда с уст его не сходило; к вере и книжному учению с усердием прилежал».

нии книжном начитанна, отличалась благоречием, воистину во всех делах искусна, пение любила, особенно духовные песнопения».

Глава 7. Античность в русском XVII веке

На минутку остановитесь и представьте – какой манящий словесный портрет! Молочно-белая кожа, светящиеся глаза, алые губы, густые волосы – вот это автор сумел создать пленительное описание. Впрочем, исследователи этого сочинения обращают внимание на компилятивность характеристики Ксении Годуновой: очевидно, что неизвестный автор пользовался описаниями Андромахи, Гекубы и Поликсены (да-да, героинь греческих мифов о Троянской войне), почерпнутыми из средневекового рыцарского романа Гвидо де Колумна «История разрушения Трои» XIII в., который был переведен в конце XV – начале XVI в.

В «Троянской истории» (название текста Колумна в русском переводе) есть отдельная главка «О образех и возрастах греческих человек. О образе и возрасте троян», из которой и взято множество отдельных выражений для создания словесных портретов наших государей.

Сравните:

«Андроменга: зельною бе красотою лепа... млечною бело-стию блистая, очи име многим блистанием светлы, красна лицем, черлена губами... во всех женах благочестнейша, во-истинну во всех делах чредима.

Гекуба: жена чуднаго промысла.

Поликсена: мною бе красотою лепа... име нечто слезы речные от очей ея текущие, блистания очи ея омрачиша...»

Но надо отдать автору Летописной книги должное: это не простое механическое копирование, а творческая компиляция, доказывающая, что принцип «кради как художник» появился не в XXI в.

Впрочем, есть отражение и российских реалий: что же означает, что Ксения во всех делах искусна? Предполагают, что она была прекрасной рукодельницей, а в Древней Руси умение женщины вышивать и прясть могло обеспечить в значительной степени ее добрую репутацию. Вспомните: святая Феврония вышивала воздух с ликами святых, Улиания Осорьина проводила свои дни в мольбах и рукоделии, а в «Домострое» фигурируют «добрые жены рукодельные». Понятно, что русской женщине в это время не было доступно других областей для самовыражения, кроме некоторых видов художественного творчества, поэтому умение вышивать – одна из самых важных характеристик.

Ксении приписывают несколько произведений лицевого шитья, хранящихся в Загорском музее: это покроец на гробницу Сергия и одежда на жертвенник.

Глава 8. О! До чего горька была участь женщины-узбечки до Октябрьской революции!⁵

Красавице Ксении не повезло катастрофически. Она была хорошо образованна, искусна во всех умениях, которыми тогда должна была обладать благородная девица: вышивала, пела, красиво говорила – и, естественно, была очень выгодной партией, что ее отец, несомненно, осознавал.

---

⁵ Ерофеев В. Бесплезное ископаемое. М.: Вагриус, 2003

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.